

РАССКАЗЫ

Перевод с польского ЛЕОНИДА ЛЕНЧА

Лиссабон

День стоял еще вполне зимний, но что-то весеннее уже было в нем. Что именно? Может быть, неясная тоска, которая вдруг возникает в такие дни в вашей душе, какая-то странная дымка меланхолии, окутывающая все, на чем останавливается ваш взгляд.

В такие дни женщины мечтают о новом платье, а мужчины — о новой жене. Но тут же приходит мысль: «А что делать со старым (или со старой)?». И мечта скоропостижно умирает. Особенно если это мечта о платье.

В точно такой зимне-весенний день, полный смутной тревоги, робких надежд и томительной грусти, я вышла на улицу. Солнце пригревало уже по-настоящему — первый раз в этом году, и его ласковые лучи возбудили в моей душе желание чего-то нового, неведомого. Мне страстно захотелось сломать так обычно начавшуюся серую будничную неделю.

Я как раз проходила мимо дома, в котором размещалось Бюро путешествий. Путешествие!.. Господи — вот то, что мне сейчас нужно!.. «Скорый поезд до Праги... Вены... Парижа... отправляется со второго пути первой платформы...»

Уехать немедленно!.. Да, да — уехать. И все!

Вхожу в помещение Бюро путешествий.

— Пожалуйста... мне нужен билет второго класса... — в моем голосе звенят колокольчики мечты.

— Куда, простите? — спрашивает сотрудник Бюро. Симпатичный!

— Куда-нибудь... туда... подальше!

— Могу предложить Кошалин?

— А подальше нельзя?

— За Кошалином остается только Мелсоне.

— А дальше?

— Дальше, простите, уже море.

— Жаль! А что у вас есть на суше?

— На суше? Вот, пожалуйста, — Сврадов. И далеко, и абсолютно на суше.

— А если еще дальше?

— Дальше, простите, уже за граница.

— Неважно. Что вы мне можете предложить за границей?

— Чтобы было далеко?

— Да, чтобы далеко-далеко!

— Пожалуйста — Лиссабон!

— А это действительно далеко?

— Действительно далеко!

— Тогда, пожалуйста, один билет второго класса до Лиссабона.

Симпатичный сотрудник после минутной паузы говорит:

— Но для этого вам сначала нужно позаботиться о паспорте и визе.

— Но мне же только прокатиться туда и обратно. Я даже из вагона не буду вылезать. Доеду до Лиссабона и сейчас же назад! Такая весна на улице, такое солнышко. Хочется проветриться. Это так естественно.

— Я все понимаю. Я бы и сам охотно проветрился. Но... существуют определенные правила. Я бы посоветовал вам выбрать какой-нибудь отечественный маршрут. Возьмите — Познань. Красивый, чистый город. Университетский!..

— Ну что ж... в конце концов можно взять и Познань. Давайте! Один билет второго класса до Познани. Когда отходит поезд?

— Ночью. В ноль часов двадцать семь минут.

— О нет, спасибо! Ночью надо спать, а не проветриваться. Что у вас есть на дневные часы?

— Есть Краков. Прекрасный город. Древности, старые костелы, Вавель, королевский дворец. Одним словом — Краков как таковой!

— Хорошо, пусть будет Краков как таковой, чтобы не морочить вам больше голову. Сколько стоит один билет второго класса до Кракова?

— Девяносто один двадцать!

- В один конец?
- Да.
- Значит, туда и обратно — сто восемьдесят два сорок?
- Совершенно верно.
- Дороговато, вы не находите? В конце концов почти двести золотых выбросить на ветер... просто так... ради фантазии... Если бы дело было какое-то... а то... Скажите, нельзя ли мне как-нибудь подешевле проветриться с вашей помощью?
- Конечно, можно. У нас имеются недорогие маршруты. Вот, пожалуйста, — Вышкув. Билет стоит девятнадцать двадцать, туда и обратно — тридцать восемь сорок. Дешево и сердито.
- А что там интересного, в вашем Вышкуве?
- Ну, если быть честным, то до Лиссабона Вышкув, конечно, не дотягивает. Но зато в смысле стоимости проезда... Какие могут быть сравнения!.. Могу еще предложить Плешоев. Или вот — Урсусе. Или Влохыв. И туда люди ездят. Тем более что проезд — дешевле семечек. Мне бы не хотелось, чтобы вы ушли от нас с пустыми руками.
- Я подумала и сказала:
- А какое ваше мнение как специалиста по путешествиям о Виланове?
- Самое наилучшее! Рекомендую вам Виланов с чистой совестью. Заплатите полтора золотых — и получите полное удовольствие. Какой парк, какие достопримечательности!..
- Тогда... один билет до Виланова.
- К сожалению, билеты на городские автобусы мы не продаем.
- Жаль! Очень жаль! Такой хороший совет вы мне подали, а деньги придется отдать вашему конкуренту... поскольку с автобусом вы, выходит, ничем не сможете мне помочь...
- Я горестно вздохнула и посмотрела на сотрудника Бюро путешествий. Симпатичный. И глаза — красивые. Даже очень красивые.
- Он быстро сказал:
- Мой рабочий день кончается через двадцать минут. Если вы можете подождать, я вам все устрою... с автобусом. Для нас воля клиента — закон!
- Был чудный, необыкновенный зимне-весенний день. До сумерек мы бродили по слякоти вилановского парка. На деревьях его уже набухали почки. Да, у этого сотрудника Бюро путешествий действительно красивые глаза. Интересно, весна в Лиссабоне лучше нашей или хуже?
- Впрочем, какое это имеет сейчас значение!

Руководство для посещения театра

Просмотрев значительное количество современных пьес на наши отечественные и зарубежные темы, я хотела поделиться со зрителями своим опытом. Прийти к ним, так сказать, на помощь.

Так вот — когда по ходу пьесы на сцене появляется новый персонаж, вы, не ожидая, пока он откроет рот, легко определите, что он из себя представляет и какая сценическая судьба его ожидает.

Запоминайте:

Толстяк в очках — отрицательный интеллигент. Он будет разоблачен.

Худой, в очках — положительный интеллигент — поможет общему делу.

В очках, с румянцем во всю щеку — интеллигент-выдвиженец. Выполнит план.

В очках, невзрачный — сомневающийся интеллигент. Его убедят, и он перестанет сомневаться.

Безусый старик — представитель отмирающих классов. А помрет — туда ему и дорога!

Усатый старик — представитель рабочего класса. Будет колебаться, но временно.

Старик с усиками — в прошлом высокопоставленный чиновник эпохи санации. Скомпрометирует сам себя. Пользуйтесь моими советами-наблюдениями. Это поможет вам не сучать в театре.

Бессилие

(Мой любимый рассказ)

И гнат живет у меня в ванне. Он — рыба, карп. Его рыба судьба соединилась с моей женской просто и случайно. Но разве в литературе мало примеров того, во что превращаются потом эти простые и случайные встречи?

Молодые люди, он и она, пришли порознь в один дом в гости и познакомились, его звали Ромео, ее — Джульетта. Другая парочка — Тристан и Изольда — отдыхала вместе у моря. Пан Ваючак и пани Петрашевская стали работать на одной фабрике и превратились в героев популярного произведения «Наша фабрика выпускает...».

Заметьте, что я привожу примеры только из классики.

Особенность истории с Игнатом заключается лишь в том, что он — карп.

Я купила его в канун какого-то праздника, намеревалась прикончить, а потом жарить и съесть. Но тут выяснилось, что наш дворник, выполняющий в таких случаях функции палача, отбыл к сыну, живущему в Казле. Заменить его в нашем доме, сплошь заселенном высокогуманными личностями, никто не смог. Мне пришлось пойти в рыбный бар, купить другого, уже зажаренного карпа, а Игнат... поселился в ванне. Это случилось девять лет тому назад.

...Я всегда мечтала о том, чтобы у меня в квартире обитало какое-то живое существо. Но вот какое именно? Собака? У меня не те условия, ведь то, что нравится человеку, не всегда подходит собаке. И наоборот.

Я нашла выход и приручила трех мышей. Они жили на кухне. Судьба их была печальной. Однажды, возвращаясь поздно вечером домой, я наткнулась у подъезда нашего дома на полумертвого котенка. Я принесла его к себе, он отогрелся, попросил и сожрал всех трех моих мышей, одну за другой. Вместе с мышами это маленькое чудовище сожрало и мое чувство к нему, которое могло бы стать сильным и стойким. Я отдала котенка дворнику, а тот отвез его в Казле сыну, которого одолевали мыши. Но в Казле кот предпочел хозяйским мышам хозяйское сало — стащил здоровенный кусище и тут же слопал, урча от наслаждения. Поэтому он совершенно бесстрастно глядел на мышей, суетившихся рядом с ним. Разгневанный сын дворника вышвырнул кота на улицу. И он погиб — пропал без вести.

А ведь мог бы жить да жить! Странно сложилась судьба у этого кота: он преждевременно погиб отчасти из-за того, что жрал мышей, тогда как ему не надо было их жрать, а отчасти из-за того, что не жрал, когда это нужно было делать.

Впрочем, вернемся к Игнату. Само провидение сохранило ему жизнь. А потом я вообще решила не превращать его в продукт питания. Больше — я к нему привязалась. Так начался этот конфликт.

Игнат был ко мне совершенно равнодушен. Он никак и ничем не реагировал на мое появление в ванной. Я для него не существовала. Я стояла, склонившись над ванной, а он, не обращая на меня ни малейшего внимания, продолжал плавать в ней, тихо шевеля плавниками.

Согласитесь, что этого мало для любящего женского сердца.

Я понимала, что только терпение может мне помочь. Говорят, карпы живут до ста лет, значит время у меня еще есть, думала я. Правда, я не знаю, сколько лет Игнату, но выглядит он молодо. Ему нельзя дать пятидесяти.

Я сажусь на корточки возле ванны и тихо говорю:

— Игнат, это я!

И больше ни слова! Ведь я уже все этим сказала, правда?

— Игнат, это я! Я к тебе пришла, Игнат!

Я подвигаюсь к корточкам и склоняюсь к воде, чтобы он меня увидел. Хотя бы одним глазком! Он, конечно, видит. Но каждый раз, когда я протягиваю к нему руку, он с явным отвращением быстро отплывает в другой конец ванны.

Девять лет со всем спокойствием и со всей нежностью, на которые я способна, я повторяю этот жест: протягиваю к нему руку. Меня не покидает надежда, что вот сейчас, в эту прекрасную секунду он подплывет и ткнется в мою ладонь мокрой, холодной, милой мордочкой.

— Игнат, это я!

А он продолжает плавать в ванне так же равнодушно, как плывал в первый день своего вселения. И я знаю, что даже мой самый безумный, самый отчаянный поступок не выведет его из состояния его проклятого рыбьего равновесия.

Он равнодушен ко мне, как вещь. Нет, как мужчина, который бросил женщину — и забыл ее.

А ведь прошло только девять лет! Может быть, он еще одумается?!

Но вечером, когда за стеной кто-то барабанит на рояле, разучивая — который уже год! — все ту же сонату Моцарта и ошибаясь все эти годы в одном и том же месте, а за окном летят с неба на грешную землю мокрые хлопья мерзкого неуютного варшавского снега, мною овладевают мечты. Однажды я склонюсь над ванной и шепну, как обычно:

— Игнат, это я!

И вдруг Игнат высунет из воды головку и скажет... Нет, он же все-таки рыба, он не скажет, а пролает. Нет, не пролает, а просвистит. Даже не просвистит, а тихо-тихо свистнет. А потом, когда я уеду в отпуск, — он загрустит. И мои домашние будут говорить:

— Ты даже представить не можешь, как он по тебе скучал. Не пил, не ел — ужас! В следующий раз возьми его с собой в Ястарию. В конце концов для него и миски хватит. Ведь для него главное — это чтобы ты была рядом.

Но все это, конечно, одни пустые мечты. На самом деле мне ничего от него не надо, пусть лишь он, увидев меня, моргнет глазом. Один разок моргнет — и все! Да, дорогие мои, — только моргнет. Неужели вы меня не понимаете?